

Предисловие «Полки»

*Историческая драма о Смутном времени —
и главная русская историческая драма вообще.
Опираясь на Шекспира и Карамзина, Пушкин
смешивает языки и стили и открывает
в русской истории глубокую психологическую
проблематику.*

Игорь Пильщиков

Россия, рубеж XVI–XVII веков. После шести лет правления Бориса Годунова в стране зреет Смута: появляется самозванец, беглый монах Григорий Отрепьев, который выдает себя за сына Ивана Грозного — царевича Димитрия, убитого по приказу Бориса. Самозванец при поддержке поляков идет войной на Москву. Борис умирает; бояре, убив царицу и наследника, объявляют новым царем Самозванца. Смысл пушкинской трагедии не только и не столько в переносе на сцену подлинных исторических событий, сколько в постановке на историческом материале универсальных, «вечных» вопросов — политических (допустима ли узурпация власти?), моральных (можно ли творить добро, совершив единожды зло?) и психологических (какова цена раскаяния за содеянное?).

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Пушкин начал работу над трагедией в декабре 1824 года, находясь в ссылке в Михайловском. Ранняя редакция, первоначально озаглавленная «Комедия (!) о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве», была завершена 7 ноября 1825 года, о чем Пушкин сообщил князю Петру Андреевичу Вяземскому: «Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, бил в ладоши и кричал: ай да Пушкин, ай да сукин сын!»¹

На этот вопрос ответил сам Пушкин: «Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе Отца нашего — Шекспира»². Правда, в середине 1820-х годов Пушкин еще не мог читать произведения Шекспира по-английски в силу слабого знания языка и знакомился с ними по французскому переводу Пьера Летурнёра, который впоследствии признал несовершенным³. Трагедия в духе Шекспира, чей культ провозгласили романтики, в жанровом сознании Пушкина и его современников была противопоставлена классицистской трагедии, высшие образцы которой они находили в творчестве Жана Расина. Пушкин специально подчеркивал «важную разницу между трагедией народной, Шекспировой, и драмой придворной, Расиновой»⁴.

Говоря о влиянии Шекспира, Пушкин заявляет, что он «принес ему в жертву пред его алтарь» не только три «классические единства», но и «единство слога — сего 4-го необходимого условия французской трагедии»⁵. Пушкин стремился максимально расширить экспрессивный диапазон литературного языка и даже считал возможным выходить за его пределы. В «Борисе Годунове» сталкиваются языковые стили, несовместимые с точки зрения эстетики классицизма. С одной стороны, это стихия «высокой» поэзии — торжественные церковнославянизмы, вкрапления летописных старорусских оборотов:

...К его одру, царю едину зримый,
Явился муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор
И называть великим патриархом.
И все кругом объяты были страхом,
Уразумев небесное виденье,
Зане святой владыка пред царем
Во храмине тогда не находился.

С другой стороны, это «низкая» прозаическая стихия: бытовое просторечие и даже вульгарная лексика⁶. В начале марта 1826 года Пушкин писал Плэтнёву из Михайловского: «В моем “Борисе” бранятся по-матерну на всех языках. Это трагедия не для прекрасного полу»⁷. В печатном тексте пьяный монах Варлаам говорит: «Отстаньте, пострелы!»; сейчас печатают по рукописи: «Отстаньте, сукины дети!» — но в первоначальном варианте у Пушкина было еще грубее: «Отстаньте, б... дети»⁸ (это выражение, встречающееся и у протопопа Аввакума, по всей видимости, попало к Пушкину из летописной цитаты у Карамзина).

В классической трагедии все это было немислимо. Чтобы осознать это, достаточно сравнить «Бориса Годунова» с образцовым театральным произведением русского классицизма — трагедией Александра Сумарокова «Димитрий Самозванец» (1771), где Самозванец в первой реплике рекомендует себя так: «Зла фурия во мне смятенно сердце гложет, / Злодейская душа спокойна быть не может», — а положительный герой Пармен, спасая из рук Лжедмитрия Ксению Годунову, объявляет в конце: «Избавлен наш народ смертей, гонений, ран, / Не страшен никому в бессилии тиран»⁹.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

На три главных источника «Бориса Годунова» указал сам автор: «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. ... Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов, Карамзину следовал я в... развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени. Источники богатые! умел ли ими воспользоваться — не знаю, — по крайней мере, труды мои были ревностны и добросовестны»¹⁰. Пушкин полагал¹¹, что читать его трагедию следует, лишь «перелистав последний том Карамзина»,

Неизвестный художник.
Царь Борис Федорович Годунов. XVIII век

поскольку «она полна славных шуток (bonnes plaisanteries) и тонких намеков (allusions fines) на историю того времени... Необходимо понимать их, это sine qua non*¹». Лингвист и пушкинист Григорий Винокур заметил, что влияние Карамзина (чьей «драгоценной для россиян памяти» посвящена трагедия) на Пушкина имело не только документальный, но и литературный характер: Пушкин имитировал не только стиль летописных и житийных цитат, но и стиль карамзинского повествования¹².

Ещё один возможный источник — дума Кондратия Рылеева «Борис Годунов» (1821–1822): в ней, как позже у Пушкина, царь Борис — мудрый правитель и в то же время преступник-убийца, мучимый нечистой совестью¹³. Это убедительное сопоставление, предложенное историком литературы Василием Сиповским, самому Пушкину вряд ли бы понравилось: он считал¹⁴, что рылеевские «Думы дрянь и название сие происходит от немецкого dumme [т.е. «глупый»]

Имеются и локальные влияния — заимствования характеров, положений, микросюжетов. Например, сцена, в которой Отрепьев, зачитывая бумагу, диктует приставам чужие приметы вместо своих, заимствована из либретто оперы «Сорока-воровка» Джоакино Россини — одного из любимых композиторов Пушкина¹⁵.

Наконец, общим интересом к исторической тематике в художественной

литературе пушкинская эпоха обязана Вальтеру Скотту и его историческим романам.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Не получив от Николая I разрешения на публикацию и постановку пьесы, Пушкин напечатал несколько сцен в журнале и альманахах в 1827–1830 годах. Собираясь жениться на Наталье Гончаровой, поэт по совету друзей вновь обратился к царю за разрешением опубликовать трагедию, мотивируя эту просьбу необходимостью поправить свое материальное положение. На этот раз разрешение было получено. Император через графа Бенкендорфа*² разрешил автору опубликовать трагедию «под его собственной ответственностью» («sous votre propre responsabilité»)¹⁶. Книга вышла в свет 22–23 декабря 1830 года, на обложке и титульном листе выставлен 1831 год. Книга продавалась по 10 рублей ассигнациями. Автор получил за нее гонорар в размере 10 тысяч рублей¹⁷.

До 1866 года «Борис Годунов» был запрещен цензурой к постановке на сцене. Первая постановка состоялась 17 сентября 1870 года на сцене Марининского театра в Петербурге — силами актеров Александринского театра. В современных изданиях «Бориса Годунова» окончательная редакция трагедии дополнена

*¹ Необходимое условие (лат.).

*² Александр Христофорович Бенкендорф (1782–1844) — государственный деятель и военачальник. Был флигель-адъютантом при императоре Александре I во время Отечественной войны 1812 года, участвовал в заграничных походах 1813–1814 годов. В 1826 году Николай I назначил Бенкендорфа шефом жандармов и начальником новообразованного III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

сценой на Девичьем поле, взятой из рукописной редакции: предполагается, что она была исключена Пушкиным при подготовке издания 1831 года по цензурным причинам. Это привело к механическому соединению двух редакций в тексте, который долго воспроизводился как канонический¹⁸. Редакторы нового академического собрания отказались от этого текстологического решения¹⁹.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Публикация отрывков из «Бориса Годунова» вызвала огромный интерес, почти ажиотаж — «величайшее волнение в нашем литературном мире», по словам Белинского²⁰. Даже Фаддей Булгарин, ссора с которым уже назревала, перепечатал в «Северной пчеле»^{*1} сцену на литовской границе: эту сцену он счел «совершенством по слогу, по составу и по чувствам»²¹. Степан Шевырѐв писал: «Нужно ли повторить перед Пушкиным, что все с нетерпением ожидают появления “Бориса”?»²² Николай Надеждин с неудовольствием замечал, что трагедия успела, того не заслуживая, «изжить огромную славу еще до своего появления», и советовал Пушкину «сжечь “Годунова” и — закончить “Онегина”»²³.

В первом номере «Литературной газеты» за 1831 год (от 1 января) ее издатели Антон Дельвиг и Орест Сомов сообщали:

«“Бориса Годунова”, соч. А. С. Пушкина, в первое утро раскуплено было, по показаниям здешних [петербургских] книгопродавцев, до 400 экземпляров»²⁴. Однако ожидания публики не оправдались. По выходе отдельного издания критики почти единогласно объявили трагедию неудачной. Некоторые рецензии даже были грубо ругательными. Пушкин начал выходить из моды; издатель «Северного Меркурия» Михаил Бестужев-Рюмин встретил «Годунова» следующим «куплетцем»:

*И Пушкин стал нам скучен,
И Пушкин надоел,
И стих его не звучен,
И гений охладел.
Бориса Годунова
Он выпустил в народ.
Убогая обновя,
Увы! на Новый год!*

Однако и более серьезные критики были недоброжелательны. Критик и писатель Николай Полевой, указав, что «образцом его [Пушкина] была Шекспирова историческая драма» (т. е. хроники)²⁵, был тем не менее возмущен, что Пушкин вслед за Карамзиным оклеветал Бориса. Это обвинение, считал Полевой, не только антиисторично, но и антипоэтично: «Как мог Пушкин не понять поэзии той идеи, что история не смеет утвердительно назвать Бориса царевубийцею!»²⁶ По мнению критика,

^{*1} Проправительственная газета, издававшаяся в Петербурге с 1825 по 1864 год. Основана Фаддеем Булгариным. Поначалу газета придерживалась демократических взглядов (в ней печатались произведения Александра Пушкина и Кондратия Рылеева), но после восстания декабристов резко изменила политический курс: вела борьбу с прогрессивными журналами вроде «Современника» и «Отечественных записок», публиковала доносы. Почти во всех разделах газеты писал сам Булгарин. В 1860-е новый издатель «Северной пчелы» Павел Усов пытался сделать газету более либеральной, но вынужден был закрыть издание из-за малого количества подписчиков.

пушкинская трагедия лишена цельности: в ней отсутствует единый план, ей свойственна отрывочность, которую Пушкин ошибочно принимает за романтизм. Эти два обстоятельства и стали причиной неудачи «Бориса Годунова» — она «происходит: 1-е. От бедности идеи... 2-е. От несправедливого понятия об исторической или вообще романтической драме»²⁷.

Булгарин усмотрел в разных сценах «Бориса Годунова» подражания Шиллеру, Вальтеру Скотту и Байрону²⁸. Указания эти были во многом проницательны: параллели с Шиллером и Скоттом принимают современные историки литературы. Надеждин был недоволен тем, что Самозванец заслоняет Бориса, заглавный герой трагедии не является ни единственным, ни главным ее героем. Пушкин делал вид, что критика его не задевает, и с пренебрежением отзывался о мнениях «наших Шлегелей»^{*1}, именуя их «попугаи или сороки Инзовские»^{*2}, которые картавят одну им натверженную е... мать»²⁹.

На этом фоне сдержанно-критический отзыв Ивана Киреевского звучал как позитивный, и Пушкин благодарил молодого критика за проявленное понимание. По мнению Киреевского, главный герой пушкинской трагедии — не Борис, не народ

и его История, а «тьнь умерщвленного Димитрия»: она «царствует в трагедии от начала до конца, управляет ходом всех событий, служит связью всем лицам и сценам, расставляет в одну перспективу все отдельные группы и различным краскам дает один общий тон, один кровавый оттенок»³⁰. Согласно Киреевскому, «Борис Годунов» — это не трагедия действия или страсти, а трагедия мысли, отдаленными параллелями к которой являются «Прометей прикованный» Эсхила, первая часть «Фауста» Гёте или «Манфред» Байрона. Все эти произведения далеки от современности, поэтому и «Борис Годунов» не был понят читателями (впрочем, это обстоятельство Киреевский ставит в упрек не читателям, а Пушкину).

Негативное отношение к «Годунову» переломил Белинский. Хотя он также порицал Пушкина за «рабское» следование Карамзину и соглашался с критиками-предшественниками в том, что «в «Борисе Годунове» Пушкина почти нет никакого драматизма»³¹, эти недостатки центральной идеи и общего плана трагедии Белинский оправдывал совершенством ее языковой формы³². В 10-й статье пушкинского цикла^{*3} (1845), целиком посвященной «Борису Годунову», он утверждал, что

*1 Братья Шлегели — Август Вильгельм Шлегель (1767–1845) и Фридрих Шлегель (1772–1829) — немецкие поэты и литературоведы. Были участниками йенского кружка романтиков и главными теоретиками немецкого романтизма, выпускали журнал *Athenaeum*.

*2 Иван Никитич Инзов (1768–1845) — военачальник. Участвовал в Итальянском походе Суворова, Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии 1813–1814 годов. Был почитателем иностранных колонистов в Южной России, в 1821 году основал для болгарских беженцев город Болград. Под начальством Инзова находился Пушкин во время южной ссылки, на частые запросы властей о поведении ссыльного Инзов отправлял наилучшие отзывы. Кстати, инзовская сорока — реальная ручная птица. Пушкин обучил ее выкрикивать непристойности, после чего Инзов вынужден был прятать ее от гостей.

*3 «Сочинения Александра Пушкина» — цикл Белинского из 11 статей, которые публиковались в журнале «Отечественные записки» с 1843 по 1846 год. Первые три статьи цикла Белинский

Федор Шаляпин в роли Бориса Годунова.
Метрополитен-опера, 1921 год

каждая сцена «Годунова» превосходна, она «сама по себе есть великое художественное произведение, полное и оконченное»³³. Слабую связь между сценами Белинский объяснял пушкинским «шекспиризмом» и тем самым как бы оправдывал их жанровую природу: «Вся трагедия как будто состоит из отдельных частей, или сцен, из которых каждая существует как будто независимо от целого. Это показывает, что трагедия Пушкина есть драматическая хроника, образец которой создан Шекспиром»³⁴. В результате, повторив все упреки «Годунову», высказанные критиками 1830-х годов, Белинский пришел к прямо противоположному

выводу: «Словно гигант между пигмеями, до сих пор высится между множеством quasi-русских трагедий пушкинский “Борис Годунов”, в гордом и суровом уединении, в недоступном величии строгого художественного стиля, благородной классической простоты...»³⁵

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

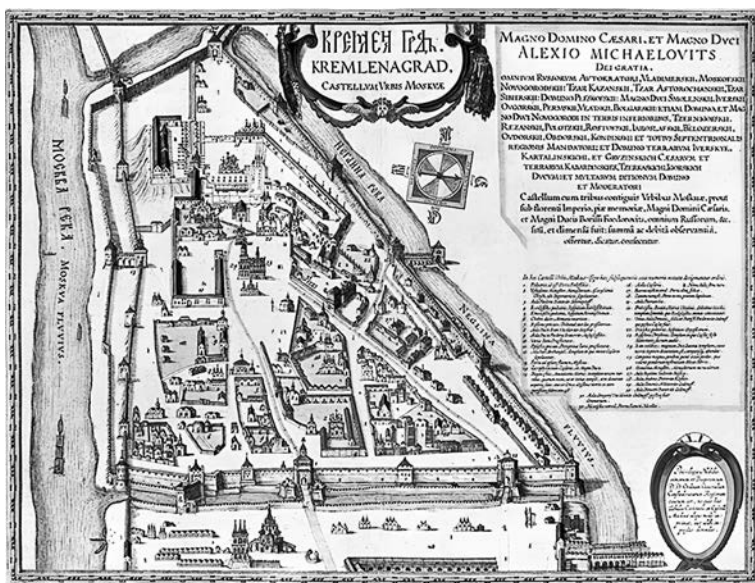
Булгарин, советовавший переделать «Бориса Годунова» в роман в духе Вальтера Скотта, написал такой роман сам и приложил усилия к тому, чтобы издать его раньше пушкинской трагедии. После публикации исторического романа «Дмитрий Самозванец» (1830) Пушкин обвинил Булгарина в заимствованиях из «Годунова»: «Раскрыв наудачу исторический роман г. Булгарина, нашел я, что и у него о появлении Самозванца приходит объявить царю кн. В. Шуйский. У меня Борис Годунов говорит наедине с Басмановым об уничтожении местничества, — у г. Булгарина также. Все это драматический вымысел, а не историческое сказание»³⁶. Поскольку трагедия Пушкина за исключением трех отрывков еще не была опубликована, то Пушкин заподозрил, что Булгарин ознакомился с рукописью трагедии при посредничестве III отделения (по-видимому, так оно и было). 18 февраля 1830 года Булгарин написал Пушкину оправдательное письмо, ни одному слову из которого автор «Бориса Годунова» не поверил. 7 марта Булгарин

посвятил развитию русской литературы, четвертую и пятую — творческому методу Пушкина, шестую и седьмую — его поэмам, восьмую и девятую — «Евгению Онегину», десятую — «Борису Годунову» и одиннадцатую — «Маленьким трагедиям», сказкам и повестям Пушкина.

прочел в «Литературной газете» резко критическую анонимную статью о своем романе, написанную Дельвигом, но считал ее автором Пушкина. В ответ Булгарин в «Северной пчеле» разругал в пух и прах VII главу «Евгения Онегина», внезапно увидев в ней «совершенное падение» пушкинского таланта. Пушкин и Булгарин стали смертельными врагами.

Несмотря на то что трагедия Пушкина была воспринята как неудача, она породила настоящий «годуновский бум»³⁷. Трагедия Алексея Хомякова «Дмитрий Самозванец» (1832) была воспринята современниками как «продолжение» пушкинской³⁸. В пику обоим предшественникам Михаил Погодин опубликовал прозаическую хронику, озаглавленную «История в лицах о Дмитрии Самозванце» (1835) и посвященную Пушкину.

Если друзья Пушкина стремились написать продолжение пушкинской трагедии (сиквел), то граф Алексей Константинович Толстой написал к ней предысторию (приквел). В драматической трилогии «Смерть Иоанна Грозного» (1866), «Царь Федор Иоаннович» (1868) и «Царь Борис» (1870) автор охватил историю русского царского двора с 1584 по 1605 год. Во всех трех пьесах (написанных, как и пушкинская трагедия, белым пятистопным ямбом), и особенно в последней, Толстой явно или неявно откликается на пушкинский текст, а иногда скрыто полемизирует с ним. По иронии судьбы последняя пьеса трилогии Толстого была опубликована в год первой постановки пушкинского «Годунова». Так же, как Пушкин, Толстой не увидел свою трагедию на сцене.

Первая подробная карта Московского Кремля, созданная при царе Алексее Михайловиче в 1663 году

В 1874 году на сцене Мариинского театра состоялась премьера оперы Мусоргского «Борис Годунов». Она существует в пяти редакциях: в двух авторских (1869, 1872), в двух редакциях Римского-Корсакова (1896, 1908) и в редакции Шостаковича (1940). В XX веке опера Мусоргского была причислена к мировой классике, но современные композитору художественная критика и академический театр встретили ее непониманием. Большое значение для ее популяризации имело исполнение заглавной партии Федором Шаляпиным. Интересный факт: Мусоргский в опере неверно идентифицировал песню о Казани, которую поет Варлаам. «Как во городе было во Казани, / Грозный царь пировал да веселился» — один из самых известных репертуарных номеров в русской музыке. Однако Пушкин имел в виду не военную песню, а любовную — это песня о молодом чернце, которому «захотелось погуляти»³⁹.

ЗАЧЕМ ЦАРЬ ЧИТАЛ ТРАГЕДИЮ И ПИСАЛ НА НЕЕ ЗАМЕЧАНИЯ?

Первым читателем «Бориса Годунова» должен был стать царь Николай I. В начале сентября 1826 года, сразу после коронации Николая, Пушкин прибыл по его вызову в Москву. Царь «простил» поэту былые «прегрешения» и разрешил ему печатать свои произведения, вызвавшись сам быть его цензором, то есть как бы избавив его от общей цензуры. На деле же цензурная проверка пушкинских текстов приняла более пристрастный и непредсказуемый характер. Когда до начальника III отделения Его Императорского

Величества канцелярии графа Александра Бенкендорфа дошли «сведения» о том, что Пушкин «изволил читать в некоторых обществах сочиненную... вновь трагедию», Бенкендорф обратился к поэту «письменно с объявлением высочайшего соизволения»: «до напечатания или распространения» своих новых произведений Пушкин должен представлять их на рассмотрение царю через посредничество начальника III отделения «или даже и прямо Его Императорскому Величеству»⁴⁰.

Пушкин представил рукопись, которая была дана на отзыв анонимному рецензенту (предположительно, Булгарину). Отзыв оказался уничижительным: «В сей пиесе нет ничего целого: это отдельные сцены или, лучше сказать, отрывки из X и XI тома «Истории государства Российского», сочинения Карамзина, переделанные в разговоры и сцены. <...> Литературное достоинство гораздо ниже, нежели мы ожидали. <...> Кажется, будто это состав вырванных листов из романа Валтера Скотта! <...> Все подражание, от первой сцены до последней. Прекрасных стихов и тирад весьма мало»⁴¹.

Ознакомившись с представленными замечаниями и, по-видимому, так и не прочитав саму трагедию, Николай I начертал собственноручную резолюцию, переданную Пушкину Бенкендорфом: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с нужным очищением переделал Комедию свою в историческую повесть или роман, на подобие Валтера Скота»⁴². На это пожелание Пушкин ответил: «Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное»⁴³.

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ПУШКИНСКИЙ «ШЕКСПИРИЗМ»?

Шекспировскую трагедию отличает от расиновской отсутствие трех классических единств (времени, места и действия), а также совмещение высоких и низких тем, персонажей и средств языкового выражения (такая трагедия местами «опускается» до комедии). Отсюда такие особенности пушкинской трагедии, как быстрый перенос действия с одного места в другое (из кремлевских палат в корчму на литовской границе), шестилетний перерыв во времени в середине драматического повествования, важная сюжетно-идеологическая роль юродивого, смешение поэзии с прозой и макаронизм — смешение языков (русского, французского и немецкого в сцене на равнине). «Борис Годунов» написан белым (то есть безрифменным) пятистопным ямбом, но со спорадической рифмовкой в «ударных» местах и с прозаическими вставками — как у Шекспира. В жанровом сознании эпохи пятистопный ямб противопоставлен александрийскому стиху (шестистопному ямбу с парной рифмовкой), как драматический размер английского типа — размеру высокой трагедии французского типа. Пушкин считал, что шекспировская трагедия вообще лишена пространственно-временной упорядоченности и сюжетного единства. Это не так. В этом отношении «Борис Годунов» ближе к хроникам Шекспира, чем к его трагедиям (и так же, как шекспировские хроники, «Борис Годунов» труден для постановки на сцене).

Литературовед Виктор Жирмунский так характеризовал пушкинское

отношение к Шекспиру: «Шекспир, по мнению Пушкина, создает характеры сложные и разносторонние, жизненно противоречивые, по-разному обнаруживающиеся в разных обстоятельствах, в противоположность рассудочной односторонности приемов характеристики французского классицизма»⁴⁴. Противопоставляя драматургию Шекспира французским классикам, Пушкин в качестве отрицательного (!) примера приводил даже не трагика Расина, а другого его великого современника — комедиографа Мольера: «Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры»⁴⁵. Что же касается «Бориса Годунова», то Пушкин полагал, что ему удалось «написать трагедию истинно романтическую»⁴⁶, то есть такую, в которой находит выражение «истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах»⁴⁷.

В «Борисе Годунове» можно усмотреть и прямые параллели с героями и сюжетами исторических хроник Шекспира, а также с «Макбетом» — шекспировской трагедией, наиболее близкой по своим жанровым характеристикам к хроникам. Так, и царь Борис, приказавший убить царевича Димитрия, и Лжедмитрий, приказавший убить детей Годунова, напоминают узурпатора Глостера, приказавшего убить наследных принцев («Ричард III»), а Марина Мнишек своим властолюбием напоминает леди Макбет.

ПОЧЕМУ СОВРЕМЕННОКИ СЧИТАЛИ ТРАГЕДИЮ НЕСЦЕНИЧНОЙ?

И классицистская, и раннеромантическая трагедия (Озеров, Жуковский) были ориентированы на декламацию и строились на чередовании длинных монологов и стихомитий (быстрых обменов репликами-афоризмами равной длины, обычно в одну строку каждая). Пушкин ввел в драматический текст живую диалогическую речь — но театр не был к этому готов⁴⁸. Кроме того, отказ от единства действия привел к значительной обособленности сцен «Годунова» друг от друга — они не воспринимались как части единого целого, о чем писал⁴⁹, например, критик Николай Полевой. Вдобавок возникала необходимость частой смены декораций, технически затруднительная, хотя в принципе и решаемая средствами тогдашней театральной машинерии. Поэтому современники считали пушкинскую трагедию непригодной для сценического исполнения⁵⁰. Неясен был и ее жанр: сам Пушкин первоначально именовал свою трагедию комедией, а на обложке первого печатного издания назвал ее просто «сочинением», без указания жанровой принадлежности. Современник приводит отзыв консервативного читателя о «Борисе Годунове»: «Ну что это за сочинение? Инде прозою, инде стихами, инде по-французски, инде по-латине, да еще и без рифм»⁵¹. Этот наивный отзыв принадлежит безымянному старичку, но то же самое записал о «Годунове» ведущий поэт и теоретик романтического «младодархаизма» Павел Катенин: «Возвращаюсь к «Борису Годунову», желаю спросить: что от него пользы белому свету? <...> На театр он нейдет,

поэмой его назвать нельзя, ни романом, ни историей в лицах, ничем... <...> Я его сегодня перечел в третий раз и уже многое пропускал, а кончил да подумал: о <то есть “нуль”>⁵².

О сценичности «Годунова» театроведы спорят до сих пор. Но каковы бы ни были теории, практика безжалостно показывает: сценическую судьбу пушкинской трагедии трудно назвать удачной. Первая постановка (1870) особого успеха не имела. Спектакль был сыгран в 1870-м тринадцать раз и в 1871 году — четыре раза. Не более успешными оказались московские постановки — Малого (1880) и Художественного театров (1907)⁵³. В советское время ряд постановок был связан с пушкинскими юбилеями 1937 и 1949 годов и подготовкой к ним — таковы постановки Ленинградского театра драмы имени Пушкина (1934, 1949), Малого театра (1937), киевского Театра имени Ивана Франко (1949). В послеюбилейные годы, несмотря на множество статей, обосновывающих новаторскую сценичность «Бориса Годунова», пьеса практически не ставилась.

В 1982 году состоялась премьера «Бориса Годунова» в Театре на Таганке (постановка Юрия Любимова, музыкальное оформление Дмитрия Покровского; в спектакле участвовал и экспериментальный фольклорный ансамбль Покровского). После первых представлений спектакль был запрещен распоряжением Министерства культуры СССР и возобновлен лишь в 1988 году. Существует видеозапись таганского спектакля в версии 1999 года.

Трагедия Пушкина выходила на экран дважды. В 1986 году Сергей Бондарчук поставил «Бориса Годунова» на киностудии «Мосфильм» (в аннотации,

предоставленной самой киностудией, эта экранизация названа «классической»). Значительным культурным событием последнего десятилетия стал «Борис Годунов» Владимира Мирзоева с Максимом Сухановым в роли Годунова и Андреем Мерзликиным в роли Отрепьева. Действие перенесено в наши дни.

НАСКОЛЬКО «БОРИС ГОДУНОВ» ТОЧЕН ИСТОРИЧЕСКИ?

Действие трагедии происходит в 1598–1605 годах. При работе автор опирался на недавно вышедшие X и XI тома карамзинской «Истории государства Российского», о которых Пушкин заметил: «C'est palpitant comme la gazette d'hier» <«Это злободневно, как свежая газета»>⁵⁴. Под злободневностью он имел в виду⁵⁵ тему узурпации трона, чрезвычайно щекотливую для Александра I*¹. Первая сцена приурочена к 20 февраля 1598 года. Сцена в Чудовом монастыре помечена: «1603 года». Сцена на границе литовской — «1604 года, 16 октября», битва на равнине — «1604 года, 21 декабря». В тексте трагедии фигурируют только эти четыре даты. Заглянув, по совету Пушкина, в «Историю» Карамзина, читатель мог датировать и заключительные сцены: смерть Бориса — 13 апреля 1605 года, финал (убийство Марии и Феодора Годуновых) — 10 июня 1605 года.

Пушкин не сходил с Карамзиным по политическим взглядам, но доверял его

тексту как источнику. В статье об «Истории русского народа» антикарамзиниста Николая Полевого Пушкин писал: «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец»⁵⁶. Пушкин считал, что летописцы объективно и отстраненно фиксировали происходившие события (это представление отразилось и в фигуре Пимена в «Борисе Годунове»). Отсюда доверие Пушкина Карамзину и летописям в вопросе об убийстве Димитрия по приказу Бориса. Рассказ Пимена об убийстве царевича основан на изложении событий в X томе «Истории государства Российского»: «...злодеи, издыхая, облегчили свою совесть, как пишут, искренним признанием; наименовали и главного виновника Дмитриевой смерти: Бориса Годунова. ...Но судиею преступления был сам преступник!»⁵⁷ По замечанию Винокура, «Пушкин тщательно собрал из обоих томов «Истории государства Российского» все указания на клеветнические легенды в антигодуновской литературе Смутного времени, создав при их помощи потрясающую картину безвыходного одиночества и полной обреченности мудрого царя-злодея»⁵⁸.

Намеренно ли Пушкин пожертвовал исторической правдой, заострив трагизм характера? К примеру, современники знали, что Сальери не убивал Моцарта, но это не помешало Пушкину написать великую трагедию, в которой он фактически оклеветал старшего композитора. Но вероятнее другое: Пушкин не подозревал, что летописи могут

*1 Александр I вззошел на престол в результате дворцового переворота — в 1801 году его отец император Павел I был задушен в собственной спальне.

быть тенденциозными. Писатель и историк Михаил Погодин^{*1}, слышавший «Годунова» еще до публикации в авторском исполнении, указывал на возможную предвзятость летописцев в «Московском вестнике» (1829) — журнале, с которым Пушкин сотрудничал. Пушкин статью прочел и оставил на полях замечания, свидетельствующие о резком несогласии со скепсисом Погодина. Известно, что свое мнение Пушкин отстаивал и в личном разговоре с Погодиным. Однако многие современные историки, соглашаясь с Погодиным, считают, что убийство Димитрия было Годунову политически невыгодно и к тому же трудноосуществимо⁵⁹. Кроме того, как указал тот же Погодин, престол Грозного унаследовал не Димитрий, а Феодор, чью относительно раннюю смерть и бездетность никто не мог предвидеть загодя.

Иногда Пушкин намеренно отказывается от исторической точности. Грибоедов справедливо критиковал изображение Иова в «Борисе Годунове», соглашается Пушкин⁶⁰ — но оставляет все как было. Роль Гаврилы Пушкина значительно расширена по сравнению с материалом карамзинской «Истории» — все добавленные детали выдуманы. Допускает Пушкин и анахронизмы, игнорируя

некоторые карамзинские датировки. Так, дьяк Щекалов не мог присутствовать в Царской думе при обсуждении угроз Лжедмитрия, поскольку был отстранен Годуновым от дел еще до появления Самозванца⁶¹.

Иногда Пушкин опирается на летописные источники Карамзина, процитированные, но отвергнутые самим историком. У Пушкина в сцене на Девичьем поле мужики и бабы по наущению бояр «силятся» плакать, прося Годунова на царство. Один спрашивает: «Нет ли луку? Потрем глаза», другой отвечает: «Я слюней помажу»⁶². Карамзин в этом случае, напротив, не решается доверять источникам, но восклицает в примечании: «В одном Хронографе сказано, что некоторые люди, боясь тогда не плакать, но не умея плакать притворно, мазали себе глаза слюною!»⁶³

Помимо Карамзина Пушкин читал, хотя бы частично, Никонову летопись, изданную Николаем Новиковым в 1771 и 1788 годах. Из нее Пушкин заимствовал первоначальный вариант заглавия пьесы. Раздел летописи, излагающий появление Самозванца, озаглавлен: «О настоящей беде московскому государству и о Гришке Отрепьеве»⁶⁴.

Наконец, Пушкин позволяет себе почти камею, причем двойное. Он вводит в действие реальное историческое

^{*1} Михаил Петрович Погодин (1800–1875) — историк, прозаик, издатель журнала «Москвитянин». Погодин родился в крестьянской семье, а к середине XIX века стал настолько влиятельной фигурой, что давал советы императору Николаю I. Погодина считали центром литературной Москвы, он издал альманах «Уrania», в котором публиковал стихи Пушкина, Баратынского, Вяземского, Тютчева, в его «Москвитянине» печатались Гоголь, Жуковский, Островский. Издатель разделял взгляды славянофилов, развивал идеи панславизма, был близок философскому кружку Любоумров. Погодин профессионально изучал историю Древней Руси, отстаивал концепцию, согласно которой основы русской государственности заложили скандинавы. Собрал ценную коллекцию древнерусских документов, которую потом выкупило государство.

лицо — Гаврилу Пушкина, который выступает на стороне Самозванца, и вдобавок лицо вымышленное — Афанасия Пушкина, который первым, со слов своего «племянника» Гаврилы, сообщает Шуйскому о появлении Лжедмитрия. Автор не отказывает себе в удовольствии дать Афанасию слова: «Его [Самозванца] сам Пушкин видел»⁶⁵, а царю поручает знаменитую реплику: «Противен мне род Пушкиных мятежный»⁶⁶. Неудивительно, что общий настрой трагедии не нашел сочувствия у императора и его советчиков.

КАКУЮ РОЛЬ В «БОРИСЕ ГОДУНОВЕ» ИГРАЕТ ПОЛЬСКАЯ ТЕМА?

По первоначальному плану, составленному автором, «польские сцены» в трагедии не предполагались — действие должно было разворачиваться в России⁶⁷. Однако по мере работы над текстом Пушкин увидел в польской стороне не случайную внешнюю силу, а альтернативную — европейскую позднеренессансную — цивилизацию, с которой сталкивается цивилизация допетровской России. По мнению Григория Гукковского, «мысль о столкновении двух культур явилась у Пушкина в процессе работы над трагедией и независимо от материала, почерпнутого из «Истории» Карамзина»⁶⁸. В «Годунове» изображены два типа женской любви (Ксения и Марина), два типа словесности (летописание Пимена и латинские стихи краковского придворного поэта), два пира (в Москве у князя Шуйского

и в Самборе у воеводы Мнишка), два типа аристократии (польская шляхта и русское боярство) и две церкви — православная и католическая (их представители: патриарх Иов и pater Черниковский)⁶⁹.

Польская тема приобрела неожиданную актуальность в момент публикации «Бориса Годунова»: началось и продолжалось Польское восстание 1830–1831 годов. Пушкин противился поискам в трагедии политических намеков (allusions), которые не были в ней заложены. 7 января 1831 года он с неудовольствием писал своему другу-издателю Петру Плетнёву, что после появления немецкого перевода «Годунова» европейские критики «будут искать в «Борисе» применений к Варшавскому бунту и скажут мне, как наши: «Помилуйте-с!..»⁷⁰

Лжедмитрий I. Из сборника Thesaurus picturarum. 1564–1606 годы

КАКОВА ПУШКИНСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ,
ВЫРАЖЕННАЯ
В «БОРИСЕ ГОДУНОВЕ»?

В пушкинской трагедии четыре действующие силы: народ, аристократия, царь и самозванец. Царь правит боярами, аристократы-бояре манипулируют народным мнением, народный бунт используется для взятия власти, приходит новый царь, который оказывается самозванцем. Проблема самозванства живо интересовала Пушкина. Следующему великому самозванцу российской истории — Емельяну Пугачёву — он посвятит и исторический труд («История Пугачева», которую император собственноручно переименовал в «Историю Пугачевского бунта»), и исторический роман («Капитанская дочка»). Получается, что ни монарх, ни аристократия и ни народ не являются единовластными движителями истории. Кто-то или что-то периодически самовольно нарушает ее ход, поэтому невозможно ни уверенно предсказать будущее, ни полностью восстановить логику истории. Об этом Пушкин размышлял в заметках о втором томе «Истории русского народа» Полевого (1830): «Не говорите: иначе нельзя было быть. Коли было бы это правда, то историк был бы астроном и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра. Ум человеческий... видит общий ход вещей и может выводить из оногo глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая — мощного, мгновенного орудия провидения»⁷¹. В «Борисе

Годунове» слово «провидение» употреблено лишь единожды, но в подчеркнуто значимом контексте. В сцене «Лес», где действуют только два персонажа — Лжедмитрий и Гаврила Пушкин, предок автора говорит о царевиче-самозванце: «Хранит его, конечно, провиденье»⁷².

ОТЧЕГО У БОРИСА «МАЛЬЧИКИ
КРОВАВЫЕ В ГЛАЗАХ»?

Сейчас мы воспринимаем эти слова однозначно, как видение убиенного младенца. Однако Даль в «Пословицах русского народа» приводит в тематическом разделе «Здоровье — хворь» пословицу: «Въ глазахъ позеленѣло; въ глазахъ мальчики заплясали»⁷³. Он же в «Словаре живого великорусского языка» указывает на близкие выражения: мальчики / угланчики [то же, что мальчики] / мухи въ глазахъ бѣгають, со значением «пестрить, темнить»⁷⁴. Выражение «мальчики в глазах» встречается и обыгрывается в текстах конца XVIII — начала XIX века. Есть анекдот о Ермиле Кострове, переводчике «Илиады» и «Песен Оссиана», известном своей страстью к спиртному:

Раз, после веселого обеда у какого-то литератора, подвыпивший Костров сел на диван и опрокинул голову на спинку. Один из присутствующих, молодой человек, желая подшутить над ним, *спросил*: — Что, Ермил Иванович, у вас, кажется, мальчики в глазах?
— И самые глупые, — отвечал Костров⁷⁵.

Таким образом, в языке пушкинского времени «мальчики в глазах» — это готовое

выражение, фразеологизм, а в устах Бориса это оговорка, выдающая — прямо по Фрейду! — его бессознательные страхи.

ПОЧЕМУ В КОНЦЕ ПЬЕСЫ «НАРОД БЕЗМОЛВСТВУЕТ»?

Первоначальная редакция «Бориса Годунова» завершалась возгласом «народа»: «Да здравствует царь Димитрий Иванович!»⁷⁶ Фраза взята у Карамзина («История государства Российского», т. XI, гл. III): когда бояре «хотели схватить гонцов Лжедмитриевых: народ не дал их и завопил: «Время Годуновых миновалось! <...> Да здравствует царь Димитрий! <...> Гибель племени Годуновых!»⁷⁷ В печатной редакции текст заканчивается знаменитой ремаркой «Народ безмолвствует»⁷⁸. Она подала повод для множества интерпретаций. Каноническая принадлежит, как и во многих других случаях, Белинскому: «Это — последнее слово трагедии, заключающее в себе глубокую черту, достойную Шекспира... В этом безмолвии народа слышен страшный, трагический голос новой

Немезиды, изрекающей суд свой над новою жертвою — над тем, кто погубил род Годуновых...»⁷⁹ Позднейшие читатели уже не помнили, что эффектную фразу о «голосе новой Немезиды» Белинский позаимствовал из статьи немецкого любителя русской литературы Карла Августа Фарнгагена фон Энзе (1785–1858), вышедшей в 1838 году и в следующем году дважды переведенной на русский язык⁸⁰.

Не считается окончательно решенным вопрос об источнике пушкинской ремарки. Выражение «народ безмолвствовал» встречается у Карамзина, но по другому поводу⁸¹. Большинство исследователей с теми или иными оговорками соглашаются с предположением академика Михаила Алексеева о том, что источником — «триггером», подсказавшим Пушкину решение заменить финальную реплику немой ремаркой, стали слова Мирабо*¹, процитированные в «Истории французской революции» Адольфа Тьера: «Le silence des peuples est la leçon des rois» («Молчание народа — урок королям»). Мирабо не был автором этого афоризма — он принадлежит архиепископу Сенезскому Жану Бове (1731–1790)⁸².

*¹ Оноре Габриэль Рикети Мирабо (1749–1791) — французский политический деятель. В 1776 году бежал с чужой женой за границу, из-за чего был приговорен к смертной казни за «оскорбление личности», освобожден спустя три с половиной года заключения. В 1786 году был отправлен с дипломатической миссией в Пруссию. Во время Великой французской революции получил славу яркого оратора, стал автором Декларации прав человека и гражданина. После смерти Мирабо были найдены доказательства, что он был секретным агентом королевского двора.

Борис Годунов

*Драгоценной для Россиян памяти
НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА
сей труд, гением его вдохновенный,
с благоговением и благодарностью
посвящает*

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru